

И в самом деле, во время осады Лаона он углубился столь далеко во вражеские ряды, что был сражен.* Ему, как я слышал незадолго до этого, предсказали, что он умрет *devant Lan,*⁷ а это могло означать и «до конца года», и «под Лаоном».

Еще скажу немного о г-не де Живри. Некогда он любил даму, имени которой я так и не мог узнать. Поскольку он был настойчив, ибо отлично видел, что дама его любит, она сказала однажды, тяжело вздохнув: «Знали бы вы, как я мучаюсь, вы бы меня пожалели. Я боюсь потерять вас, но когда б я согласилась дать вам то, о чем вы меня просите, я, кажется, умерла бы от печали». По тому, как это она говорила, и по ее слезам кавалер понял, что это не притворство, был глубоко тронут и, хоть и был уверен, что ему стоит лишь проявить укорство, и он добьется всего, — поклялся ей небом никогда более не говорить о своей страсти и любить ее с той поры, как сестру.

М-ль де Гиз вела себя впоследствии так, что один только принц де Конти способен был на ней жениться.**

В маленьком городке, через который проезжал Двор, судья, произнеся приветственную речь Королю, обратился затем с приветствием к принцессе де Конти, которую принял за Королеву. Король рассмеялся и во всеуслышание сказал: «Он не слишком-то ошибся; она бы ею стала, когда б вела себя добродетельно».

Рассказывают, будто, когда она стала просить г-на де Гиза, своего брата, не играть более в карты, ибо он много проигрывал, тот ответил: «Сестрица, я перестану играть, когда вы перестанете заниматься любовью». — «Ах, негодник! — воскликнула она. — Значит, он никогда не перестанет!».

Она была весьма неглупа и даже написала нечто вроде небольшого романа под названием «Приключения при Персидском Дворе»,⁸ где говорится о многом, случившемся в ее время. Она была добра и жалостлива, помогала сочинителям и оказывала услуги кому только могла. Правда, она бывала беспощадна к женщинам, кои подозревала в том, что они отбили у нее возлюбленных. Под конец жизни она стала пессимно, совершенно помешавшись на величии своего рода, и настолько поглощена была этим, что вела себя иной раз довольно странно. Одержимая своими мыслями, она, проходя однажды с покойною графиней Суассонскою мимо ворот Малого Бурбонского дворца, выходящего на реку, указала ей, что на них еще заметны следы желтой краски, коею их выкрасили в ту пору, когда кокетабль Бурбонский бежал из Франции. «Надобно признаться, — ответила Графиня, — что наши короли проявили в свое время большую небрежность, не вымазав в желтый цвет ворота

* Кандлер де Шиверн, его зять, говорит в своих Мемуарах, что Живри, производя под Лаоном реконгноспировку вражеского фланга, на который он хотел навести пушку, был убит.

** Он был глуп.